

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

МОНОГРАФИЯ

**ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2025**

УДК 001.1
ББК 60
А43

Рецензенты:

Гетманская Елена Валентиновна – доктор педагогических наук, профессор, доцент кафедры методики преподавания литературы ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»

Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Авторский коллектив

Аменицкий А.В., Ганчар А.И., Гиниатуллин Р.А., Гречин Д.Н., Карманова Т.М., Ковалева А.В., Колпаков А.А., Котова Е.Н., Левина В.А., Матвеева Н.А., Синева Н.С., Солдатова Е.В., Удалых Е.Ю., Хайбуллин Ф.Г., Цвенгер И.Г.

А43

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: монография / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». — 2025. — 172 с.

ISBN 978-5-00236-919-5

В монографии представлены теоретические подходы и концепции, аналитические обзоры, практические решения в конкретных сферах науки, общества, образования.

Издание может быть интересно российским и зарубежным ученым, руководителям и служащим государственного аппарата, руководителям и специалистам учреждений и хозяйственных организаций, педагогам, аспирантам и студентам высших учебных заведений.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2025
© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-00236-919-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ: СОХРАНЯЯ ПРОШЛОЕ, СОЗДАЁМ БУДУЩЕЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ.....	5
ГЛАВА 2. ЭТНОКУЛЬТУРА КАЛМЫКОВ	15
ГЛАВА 3. ЗАКРЫТИЕ ВИЛЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЕ (1831–1832 ГГ.)	37
РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	55
ГЛАВА 4. ЗНАЧЕНИЕ МЕТАФОРЫ В СТРУКТУРЕ ПРОЦЕССА МЫШЛЕНИЯ	56
ГЛАВА 5. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	67
ГЛАВА 6. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	77
РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ	88
ГЛАВА 7. НАЙДЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ! ИЛИ КАК ПОМОЧЬ ВОИНАМ ВЕРНУТЬСЯ С ИХ ВНУТРЕННЕЙ ВОЙНЫ... ..	89
ГЛАВА 8. РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ.....	103
ГЛАВА 9. КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ШКОЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ.....	115
РАЗДЕЛ IV. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР И РЕЗУЛЬТАТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	126
ГЛАВА 10. ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ЧАСТОТЫ ДИСКРЕТИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО РЕГУЛЯТОРА НА ХАРАКТЕРИСТИКИ АСИНХРОННОГО ЭЛЕКТРОПРИВОДА.....	127
ГЛАВА 11. КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ. КОНФИГУРАЦИЯ ОБЛАЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УПРАВЛЕНИЕ ТРЕНДАМИ	138
ГЛАВА 12. КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ. ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВ LLMJACKING	153

УДК 332.21(476)

ГЛАВА 3. ЗАКРЫТИЕ ВИЛЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЕ (1831–1832 ГГ.)

Ганчар Андрей Иванович

к. и. н., доцент

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

Аннотация: в данной главе рассмотрено положение Виленского университета в контексте польского восстания 1830–1831 гг. и последующей политики правительства Российской империи, направленной на восстановление спокойствия в Западном крае. Особое внимание уделено реакции властей на участие студентов и профессоров в мятеже, а также дискуссии о дальнейшей судьбе университета. Дискуссия о судьбе университета в правительственных кругах выявила противоречивые подходы: одни чиновники настаивали на немедленном закрытии, другие предлагали постепенное реформирование. В итоге возобладала жёсткая линия: в 1832 году Виленский университет был упразднён, а его медицинский и богословский факультеты преобразованы в отдельные учреждения.

Ключевые слова: Российская империя, Белорусский учебный округ, Виленский учебный округ, Виленский университет, восстание, мятеж, Римско-католическая Церковь, училища, образование.

THE CLOSURE OF THE UNIVERSITY OF VILNIUS: CAUSES AND CONSEQUENCES (1831-1832)

Hanchar Andrei Ivanavich

Abstract: The article examines the situation of the University of Vilna in the context of the Polish uprising of 1830-1831 and the subsequent policy of the government of the Russian Empire aimed at restoring calm in the Western region. Particular attention is paid to the reaction of the authorities to the participation of students and professors in the rebellion, as well as to the discussion about the further fate of the university. The discussion about the fate of the university in government circles revealed contradictory approaches: some officials insisted on immediate closure, while others suggested gradual reform. In the end, the hard line prevailed: in 1832 the University of Vilna was abolished, and its medical and theological faculties were transformed into separate institutions.

Keywords: Russian Empire, Byelorussian Educational District, Vilna Educational District, Vilna University, revolt, mutiny, Roman Catholic Church, colleges, education.

1 декабря 1831 г. ректор Виленского университета Венцеслав Венцеславович Пеликан в рапорте министру народного просвещения Карлу Андреевичу Ливену, в ответ на его предложение подробно донести обо всех лицах, принадлежавших учебному ведомству в г. Вильно, которые оказались виновниками в соучастии с мятежниками или подозреваемыми в этом, также о тех, кто отлучился без позволения и неизвестно где находились, а если и явились, то какие оправдания и доказательства в извинение своей отлучки приносили, с прибав-

лением своего мнения о нравственных их качествах и образе мыслей, поспешил представить подробную ведомость всем лицам. Но предварительно, ректор позволил себе сделать некоторые необходимые замечания.

При бывшем попечителе князе Адаме Ежи Чарторыйском, по утверждению В. В. Пеликана, буйство студентов, вперемые в них вредные правила и дурной образ мыслей некоторых профессоров, были причиной возбуждения невыгодного для Виленского университета мнения. Когда же новый попечитель Николай Николаевич Новосильцев принял на себя должность, когда укротил верными и действенными мерами буйство студентов, уничтожил вредное влияние, устранив его виновников, когда, отмечая заслуги и ревность, полезными и благодетельными внушениями возбудил соревнование в учащих и учащихся, тогда Виленский университет, под высоким и бдительным контролем Николай Николаевича, постоянно начал более и более приобретать доверенности и уважения. Неоднократно проистекавшая польза от Виленского университета и личные заслуги людей, его составлявших, обращали на себя внимание императора.

По заверению ректора В. В. Пеликана, вообще до мятежа, возникшего в Виленской губернии, а, ещё более, до мятежа, вспыхнувшего в г. Варшава, все лица, принадлежавшие к ведомству университета, как в самом г. Вильно, так и в его округе, сохраняли верность к престолу, никаких знаков злых умыслов не было видно, отправление должностей исполнялось в самом правильном порядке и с ощутительной во всех отношениях пользой. Когда же слух о варшавском мятеже достиг до их сведения, все почти лица, принадлежавшие к университету, показали усердие к правительству и готовность предупредить всякое мятежное движение в г. Вильно и, в таком намерении, возлагаемые на них поручения исполняли с отличной ревностью. Но в то несчастное время, когда, по словам ректора, безрассудные и ложные чувства преступного польского патриотизма быстро распространились в западных провинциях Российской империи, некоторые из лиц подведомственных университету, также охладели в усердии к законному правительству. Впрочем, если бы министр спросил бы его мнения насчёт всех жителей возвращённых от Польши губерний, то В. Пеликан затруднился бы сделать малейшее исключение, которое могло бы представить пример людей, сохранивших непоколебимую верность к Престолу. Недостаток религиозных чувств, испорченная нравственность, всеобщий разврат, а в особенности духовенства, сделали в это несчастное время и заблуждение почти всеобщим. Отнюдь не желая этим оправдывать лиц, подведомственных Виленскому университету, ректор только представил эти обстоятельства, чтобы указать главнейшие источники и причины, имевшие на них столь пагубное влияние. Однако, при таковом общем в этом крае волнении умов, только несколько человек из подведомственных университету чиновников, решились погубить себя бегством и явным вступлением в толпы мятежников. Хотя, по мнению ректора, эти люди, явно принявшие оружие против законного государя, не могли быть так вредны, как вообще все те, которые оставаясь на месте, раздували скрытным образом пламя мятежа, распространяя ложные известия и слухи,

действуя, одним словом, самым вредным образом, на большой круг людей, которых они вводили в преступление, уклоняясь от всякого рода явного соучастия в мятеже. От этих-то тайных врагов государства, которые все почти исключительно находились вне университета, проистекал гораздо больший вред, нежели от открытых, бессильных его неприятелей.

Безусловно, были и такие лица, которые старались обмануть прозорливость своих начальников и вместе не потерять доверенности у мятежников. Трудно было определить тщательно скрываемый ими образ мыслей. Они не показали хорошего расположения к правительству в то время, когда имели к тому самый лучший и удобный случай и лишь обстоятельства не позволили обнаружить их точный образ мыслей. При этом В. Пеликан обратил внимание министра и на учащихся.

До совершенного закрытия университета и низших учебных заведений, весьма немногие студенты, увлечённые примером родителей, родственников и знакомых, бежали из г. Вильно и присоединились к мятежникам. По закрытии же университета, по случаю появления в г. Вильно холеры, студенты из университета вовсе увольнялись и отправлялись в дома родителей и родственников. Поэтому напрасно и весьма несправедливо в последствии захваченных в числе мятежников молодых людей разного состояния именовали студентами, т. к. они совершенно были уволены из университета, надзору его не подлежали, ушли из домов родителей и родственников и ими же подстрекаемые или следуя преступному их приказу, входили в связи с мятежниками или сами в мятеже участвовали. «При том как могли молодые люди воздержаться от преступления и как вперемая в них нравственность могла действовать, когда сами родители, родственники и близкие к ним люди, в своём безумии, увлекали их словами и делом, в пропасть беззаконий и несчастий!» – сокрушался В. Пеликан [1, с. 16–30].

Таблица 1

Список чиновникам ведомства Императорского Виленского университета, находившимся в г. Вильно [1, с. 32–45 об.]

Декан, дейст. стат. сов. Семён Малевский	Непостоянного и сомнительного образа мыслей
Декан, стат. сов. Алоисий Капшели	Совершенно преданный правительству и благонадёжный чиновник
Декан, стат. сов. Николай Мянковский	Всегда искренно оказывал величайшую привязанность к правительству и преданность Престолу; старался и радел о пользе университета и славе, а в последнее время своими здравыми суждениями, упрёками людей неблагонадёжных и не твёрдых в добром расположении, точностью и усердием в службе навлек на себя ненависть т. н. польских патриотов до такой степени, что даже сама его жизнь подвергнулась бы опасности, если бы действия мятежников в г. Вильно получили успех
Преподающий лекции практической медицины, заслуженный профессор, стат. сов. Андрей Снядецкий	Всеобщее к нему, в последнее время, возродившееся почтение всех ложно именуемых патриотов наводит сомнение на образ его мыслей; также нельзя упустить из виду и того, что сын его присоединился к мятежникам Завилейского уезда; оттуда ушёл с шайкой и соединился с партией Дембинского; по возвращении из г. Варшавы возвратился в г. Вильно; также и зять его Балинский навлек на себя подозрение и находился под арестом

Преподающий лекции живописи, заслуженный профессор, кол. сек. Иван Рустем	Оказывал всегда должную преданность Престолу и вообще есть чиновник благонадёжный
Ординарный профессор, кол. сек. Иван Лобойко	Приверженный к правительству
Ординарный профессор, кол. сек. Иван Вольфганг	Преданный совершенно своим занятиям и благонадёжный чиновник
Ординарный профессор, кол. сек. Павел Кукольник	Весьма надёжный, добросовестный и совершенно преданный правительству чиновник; в последнее время всевозможные принимал старания к содержанию студентов в порядке и содействовал в надзоре за ними
Ординарный профессор, кол. сек. Антон Вырвич	Весьма неблагонадёжного образа мыслей
Ординарный профессор, кол. сек. Осип Ярошевич	Весьма неблагонадёжного образа мыслей
Ординарный профессор, кол. сек. Пётр Славинский	Человек благонадёжный
Ординарный профессор, кол. сек. Эдуард Эйхвальд	Ничего за ним дурного не замечено
Ординарный профессор, Лев Боровский	Весьма неблагонадёжного образа мыслей
Ординарный профессор, Феликс Древинский	Спокойный, смиренный и более благонадёжный
Ординарный профессор, Иван Бернман	Отличный по всему чиновник и благородный человек
Ординарный профессор, Константин Порцяно	Старательный к службе и усердный чиновник
Ординарный профессор, протоиерей Михаил Бобровский	Этот зловредный священник был уже в 1824 г. вместе с Лелевелем исключён из университета за дурной образ мыслей и преступные свои действия; в последствии был он прощён в надежде, что эта милость его исправит; хотя он долго старался скрывать коварный свой образ мыслей, но все его действия, поступки и связи показывают как человека злого, неблагонадёжного и немало не исправившегося после претерпленного им наказания и полученного прощения
Ординарный профессор, кафедральный каноник, кс. Иоанн Скиделль	Чиновник смиренный и преданный своему делу
Экстраординарный профессор, надв. сов. Адам Белькевич	Преданный своим занятиям, устранился от всякого рода политических разговоров и даже навлек на себя ненависть некоторых лжепатриотов
Экстраординарный профессор, надв. сов. Игнатий Фонберг	Весьма ненадёжного образа мыслей
Экстраординарный профессор, надв. сов., Иван Вашкевич	Характера тихого и спокойного, от всяких интриг и разговоров устранился
Экстраординарный профессор, надв. сов., Станислав Гриневич	Довольно хороший
Экстраординарный профессор, надв. сов. Иван де Нев	Благонадёжный и отличный чиновник, заслуживающий в каждом отношении внимание начальства
Адьюнты	
Кол. сек. Беньямин Гауштейн	Благонадёжный чиновник, характера спокойного
Александр Богатневич	За всё время замешательства был одержим тяжкой болезнью, от которой доныне не излечился; до того же времени был на хорошем счету
Преподающие курсы	
Проповедник университетской церкви кс. Игнатий Боровский	В последнее время всё р.-к. духовенство было одушевлено ненавистью и презрением к русским; нет сомнения, что и на него общее заблуждение имело влияние
Доктор богословия, кс. Аниол Довгирд	Человек смиренный
Александр Коровицкий	Весьма ненадёжный и недоброжелательный
Сигизмунд Ревковский	Весьма ненадёжный
Карл Муйжель	Недавно возвратился из заграницы, преданный своей науке
Помощники и др. чиновники при университете	
Префект медицинского института, медико-хирург Киприан Казимирский	Усердно исправляют свою должность и всегда отличался неограниченной приверженностью к русскому правительству

При астрономической обсерватории	
Михаил Гириневич	Чиновник довольно благонадёжный
Викентий Карчевский	Дурным своим поведением о благонадёжности заставляет сомневаться
Профессор живописи Викентий Смоковский	Во всех отношениях хороший человек
Прозектор зоологии, надв. сов. Гейнрих Ляупман	Дурного поведения
Консерватор зоологического кабинета, Фиделий Бруннер	Тихого и короткого нрава, рачительный и усердный, преданный законному правительству
Учителя в университете	
Кол. сек. Карл Молоховец	Люди благонадёжные
Кол. сек. Ксаверий Дейбель	
К. с. Франц Лекает	
Кол. сек. Франц Милевский	
Фридрих Аде	
Ветеринар, губ. сек. Григорий Зейц	
Осип Хрщоновский	
Казначей университета 9 кл. Станислав Родзевич	Чиновник весьма благонадёжный и человек благородного образа мыслей во все времена даже при самых смутных обстоятельствах сохранил непоколебимую верность к Престолу и здоровыми своими усердиями старался внушать другим хорошие правила
Бухгалтер, тайн. сов. Яков Каленкевич	Чиновники благонадёжные
Его помощник 10 кл. Александр Свенцицкий	
Люстратор и землемер бенефициальных имений, тайн. сов., Иван Шантыр	Весьма неблагонадёжен
Исправляющий должность секретаря университетского совета, тайн. сов., Леон Рогальский	Весьма неблагонадёжный
К. ас., Викентий Гецолд	Дурной образ мыслей до этого времени скрывал весьма искусно и тщательно, поэтому доверенности не заслуживает
Экзекутор канцелярии, кол. сек. Платон Кукольник	Отличный по способностям, равномерно как по нравственности, образу мыслей и преданности Престолу примерный чиновник; во время бывших в Виленской губернии замещательств редкой деятельностью и бдительностью обратил особенное на себя внимание начальства
Экспедиторы канцелярии	
Кол. сек. Леонард Околов	Предосудительного образа мыслей
Губ. сек., Осип Забего	Один из отличнейших чиновников; заслуживает вполне доверие правительства
Губ. сек., Августин Сервинский	Чиновник неблагонадёжный
Регистратор, тайн. сов. Феодосий Гецолд	Во всём подражает своему брату, секретарю Викентию Гецолду, и питает такие же чувства
Архивариус, кол. сек. Каспер Тржасковский	Весьма неблагонадёжный
Переводчик Иван Гильфердин	Ветреный и ненадёжный человек
Архивариус Эдукационного фондуша Осип Левандовский	Тихого нрава за ним ничего дурного не замечено
Состоящий при архиве Эдукационного фондуша Христиан Гишкс	Довольно хороший
Прочие канцелярские чиновники	
Тайн. сов., Александр Пузыревский	Совершенно благонадёжный, верный и хороший чиновник
12 кл. Михайло Карлович	Чиновник благонадёжный, трудолюбивый и хороших правил
К. р., Франц Каминский	За ним ничего дурного не замечено
Михайло Реймер	Ничего дурного не замечено
Онуфрий Кулаковский	Трудолюбивый, тихий и исправный
Эдуард Шацфайер	Не благонадёжный
Феликс Политовский	Тихий и краткий молодой человек; от всякой интриги и разговоров устранился

Антон Войцеховский	Трудолюбивый, тихий и исправный
В временной экспедиции для обревизования отчётов фундушевых комиссий	
Старший помощник Антон Сморчевский	Дурного образа мыслей, ненадёжный
Младший помощник Франц Яблонский	Питает предосудительный образ мыслей, от сообщества с дурными людьми происходящий, впрочем трудолюбивый и всегда был хороший чиновник
Канцелярист, кол. сек. Казимир Чарнецкий	Тихий и кроткий; от всяких интриг и политических разговоров устранился
Губ. сек. Осип Пенковский	Не благонадёжен
В цензурном комитете чиновники для рассмотрения еврейских книг	
Вульф Тургенгольд	Благонадёжный
Христиан Нейман	Благонадёжный
Канцелярист Константин Модзолевский	Неблагонадёжен
Канцелярист Осип Братковский	Теперь только определившийся; трудолюбивый молодой человек
Эконом университета, губ. сек. Иван Богович	Старый человек, непьющий, хорошего воспитания, а потому вероятно и заимствовал ненадёжный образ мыслей от людей, которые на многих имели вредное влияние
Экономический писарь, кол. рег. Флор Ободович	Исправный и благонадёжный
Клинический эконом, тит. сов. Яким радзишевский	Тихого и краткого характера, рачительный, усердный и правительству преданный
Чиновники надзора за университетским студентами	
Инспектор, кол. ас. Викентий Наксиянович	Во всё время своего нахождения в должности инспектора университетской полиции являлся чиновником достойным всякой похвалы; не жалел ни трудов, ни здоровья для точного исполнения многотрудных своих обязанностей; по преданности своей к Престолу и по строгой справедливости он навлек на себя много неприятностей
Подинспектор, кол. сек. Трофим Петрашевский	Преданный правительству и благонадёжный чиновник
Подинспектор, кол. рег. Фаввиан Кондратович	Довольно хороший
Надзиратель, кол. рег. Юрий Гедройц	Весьма благонадёжен
Надзиратель Осип Соболевский	Довольно хороший
Надзиратель Лукиян Вержейский	Исправен и весьма благонадёжен
Надзиратель Войтех Котарский	Довольно хороший
Священники в Главной духовной семинарии	
Регенс каноник кс. Иоанн Маркевич	Скрытный, ненадёжный
Префект кс. Ульян Панасевич	Благонадёжен
Эконом, губ. сек. Осип Рокицкий	
Писец при регенсе Станислав Красподембский	
В виленских гимназиях и в пр. учебных заведениях	
Директор, ст. сов. Каetan Крассовский	Усердный и преданный правительству
Помощник, над. сов. Пётр Островский	–
Учитель в губ. гим. Нестор Кукольников	Отличнейший учитель и самонадёжнейший чиновник
Учитель в губ. гим. кол. сек., Николай Дмитриев	Весьма хорошей нравственности и полезный чиновник
Учитель в губ. гим. Осип Герард	Благонадёжен
Учитель в губ. гим. тит. сов., Матвей Пржибыльский	Благонадёжен
Учитель 2-й губ. гим. тит. сов., Бруно Сухецкий	Предосудительного образа мыслей
Учитель 2-й губ. гим. кол. сек., Илья Владиславлев	Хороший и благонадёжный
Учитель 2-й губ. гим. кол. сек., Андрей Калиновский	Предосудительного образа мыслей
Учитель 2-й губ. гим. кол. сек. Фридрих Леман	Благонадёжен
Учитель в уездном училище, Феофил Политовский	Благонадёжен
Учитель в уездном училище Осип Фижан	Предосудительного образа мыслей
Учитель в уездном училище Александр Сташинский	Неблагонадёжен

Учитель в уездном училище Григорий Мисинкевич	Неблагонадёжен
В семинарии приходских учителей и органистов	
Учитель, кол. рег. Осип Фон	Довольно хороший
Смотритель базилианского уездного училища, тайн. сов. Арнольд Грацерп	Преданный правительству, точный и усердный чиновник

По замечания ректора, неудачи, которые должны бы разуверить мятежный народ в его преступных намерениях, не искоренили совершенно ни чрезмерного энтузиазма, ни гнусной готовности при первом удобном случае произвести новые противозаконные движения. Совершенное отсутствие христианских добродетелей, вредное влияние духовенства, соединяясь со многими другими и немаловажными причинами не пристали питать в народе постоянной ненависти к русским и законному правительству, а бедствия и несчастья ещё более его ожесточили.

Также В. Пеликан обратил внимание министра и на тех людей, которые от начала всех замешательств, несмотря ни на какие угрозы, наущения, насмешки, неприятности, сохранили редкую, в такое несчастное время, верность к Престолу, должность свою и возлагаемые на них поручения исполняли с отличным рвением и усердием, и, по неограниченной своей преданности к законному правительству, подвергали опасности честь, здоровье и даже саму свою жизнь [1, с. 30–31].

Таблица 2

Список чиновникам Императорского Виленского университета, самовольно в мае-июне 1831 г. отлучившихся из г. Вильно [1, с. 46–46 об.]

1.	Занимавшийся повторением лекций римского права, кандидат Валериан Петкевич
2.	Помощник университетского архитектора, кандидат Ульян Грос
3.	Помощник при астрономической обсерватории, кандидат Мартын Жилинский
4.	Учитель гимназии Герард Гроностайский
5.	Учитель уездного училища, кандидат Ипполит Климашевский
6.	Нижний канцелярский чиновник Адам Невядомский
7.	Нижний канцелярский чиновник Киприан Каменский
8.	Нижний канцелярский чиновник Семён Трацевский

Примечание – Ни один из указанных лиц не возвратился. Учитель Климашевский был захвачен в числе мятежников

26 октября 1831 г. Комитет под председательством тайного советника князя Кочубея, назначенный для рассмотрения разных предположений, относящихся до губерний от Польши возвращённых, занимался соображением о мерах для улучшения общественного и частного в этих губерниях воспитания. При учреждении этого Комитета ему было объявлено высочайшее повеление войти в рассмотрение предположения об уничтожении Виленского университета и Кременецкой гимназии. В том же высочайшем повелении Комитету поставлено было на вид, что по последним донесениям в Виленском университете находится не более 30 студентов. Император Николай I полагал, что университетские фондуши, равно как и принадлежавшие Кременецкой гимназии, могли обращены быть на существующие училищные заведения или на те, которые

впредь будут учреждаться, как-то на Полоцкий кадетский корпус и пр. профессоров университета и гимназии предполагалось определить в др. университеты и в иные училища. В виду Комитета имелись также и др. предположения.

Бывший могилёвский гражданский губернатор М. Н. Муравьёв в записке от 22 декабря 1830 г. отмечал, что фанатичный дух католицизма, более сосредоточенный в монашесствующих орденах и соединённый большей частью с некоторым отчуждением от всего русского и со стремлением к поддержанию национализма, должен обратить особенное строжайшее внимание правительства. Губернатор ратовал за лишение монашесствующего духовенства права заниматься воспитанием юношества. Почему и предположено уже было уничтожение духовных при монастырях училищ с замещением светскими. По мнению М. Н. Муравьёва весьма полезно было бы ввести преподавание учебных предметов в этих училищах на русском языке. Следовало также, по убеждению губернатора, избегать уничтожения существующих учебных заведений, пока не будут учреждены новые. Сверх этого, необходимо было запретить р.-к. духовенству заниматься воспитанием детей в домах под видом домашних капелланов.

Статс-секретарь Д. Н. Блудов, рассматривавший по высочайшему повелению предположения М. Н. Муравьёва, полагал, что решительное воспрещение р.-к. духовенству заниматься воспитанием детей в домах, теперь не могло ещё быть приведено в действие, т. к. эта мера сильно бы поразила умы и отвратила бы их от расположения содействовать цели правительства в др. отношениях. Не имелось также никаких способов к исполнению данного предположения по причине отсутствия возможности наблюдения за происходящим внутри семейств и домов. Для отвращения неудобств домашнего воспитания, по мнению Д. Н. Блудова, существовало лишь одно средство: сделать публичное воспитание столь хорошим, чтобы родители, по убеждению в его пользе, сами отдавали бы детей в учебные заведения. Само же преобразование училищ представляло собой многотрудное дело. Требуемое не только стараний, но и долгого времени и благоприятных обстоятельств. Что касалось до уничтожения духовных училищ и преподавания наук в светских учреждениях на русском языке, то все эти предположения уже были в виду МНП, но к исполнению их нельзя было приступить прежде, как это и сам заметил М. Н. Муравьёв, заведения новых светских училищ.

Особый комитет, бывший под председательством д. т. с. князя Голицына с вышеизложенными замечаниями статс-секретаря Дмитрия Николаевича был совершенно согласен и считал только нужным сообщить МНП и попечителю БУО о приложении с их стороны всевозможных стараний к скорейшему исполнению находящихся в виду их предположений, имея постоянной целью направление публичного воспитания к сближения местных жителей с природными россиянами [1, с. 48–51 об.].

Генерал-адъютант Сергей Павлович Шипов, в представленном им обозрении Подольской губернии, отметил, что происходившие от польского племени дворяне и поныне ещё составляли в местном крае чужеземный народ, враждебный России. Из них рождённые до присоединения этого края от Польши к Рос-

сии, воспоминали они о вольности, которой пользовались во время польской олигархии, питая ненависть к правительству, обуздавшему эту буйность. Возраставшее поколение, по убеждению Сергея Павлович, принимавшее таковое враждебное чувство от своих отцов, укореняло и усиливало его в училищах, гимназиях и Виленском университете. В этих учебных заведениях преподавание наук вообще производилось, по замечанию генерала, на польском языке, а обучение и надзор за воспитанниками предоставлен был исключительно полякам, родившимся ещё в подданстве Польши. Эти наставники, как народ покорённый, питали ненависть к победителям, пылая враждой к правительству и русскому народу и передавали эти чувства своим питомцам. Воспитанники, даже коренные русские, нечувствительно получали те же чувства и правила, делаясь враждебными России поляками. Таким образом возрастало целое поколение людей, упитывающихся чувствами вражды и мести к тому народу, которого они должны быть согражданами, к тому правительству, которому они обязаны благосостоянием и безопасностью.

Воспитанием дворянского юношества занимались наиболее иезуиты, до изгнания их из России. Воспитатели, происходившие по большей части из поляков и католиков, притом монахов, поселяли в своих воспитанниках чувство вражды к России, соединяли ненависть к православному исповеданию. Некоторые богатые молодые дворяне воспитывались в г. Вене или г. Париже и посещали др. города Европы. Это чужеземное воспитание и путешествия, предпринятые по убеждению генерала, без всякой общепольной цели, доставляли им только поверхностные, ничтожные познания. Воспитание же юношества на истинных государственных началах, почиталось Шиповым главнейшим средством к изменению враждебного против России духа польского дворянства, к возрождению в нём преданности к правительству, братской приверженности к согражданам и любви к настоящему своему отечеству. Преобразование воспитания, по его мнению, надлежало поручить должно просвещённому и благоразумному человеку, соединившему с твёрдостью характера истинную любовь к отечеству. Таковых учителей и наставников следовало постепенно определять из обучавшихся в Главном педагогическом институте, особенно для преподавания истории. Коренных русских, или хотя частью и иноплеменных, но только не поляков, поставив им в обязанность иметь главной целью возрождение и утверждение в обучающемся юношестве тех государственных добродетелей, о которых указано выше [1, с. 51 об.–54].

Министр финансов Егор Францевич Канкрин в представленной императору, по предложению генерал Шипова, записке заметил, что воспитание высших классов в возвращённых от Польши губерниях находилось не малой частью в руках католического духовенства. Признавая не основательность идеи замены светскими учителями воспитателей из среды польского духовенства, Егор Францевич в то же время ратовал за продвижение обучения на русском языке и расширения участия русских учителей в воспитании. К числу распоряжений, которыми можно было более привязать поляков к России, министр финансов относил: преобразование Виленского университета, доход которого мог быть

достаточен для двух, и воспитание в кадетских корпусах [1, с. 54–55].

Особый Комитет, бывший под председательством д. т. с. князя Голицына, отозвался, что правительство давно уже обратило внимание на необходимость ослабить вредное влияние Виленского университета на учащихся, а через них и на пр. жителей. С этой целью были изъяты из ВУО первоначально Киевская губерния, а в 1824 г. и обе Белорусские (Могилёвская и Витебская). По случаю открывшихся в университете беспорядков иные профессора и чиновники были удалены оттуда, а некоторые размещены по другим высшим учебным заведениям во внутренних губерниях. Император, по случаю нового разграничения учебных округов, признал полезным ещё оттеснить круг ведомства Виленского университета, оставив в его округе только Виленскую и Гродненскую губернии, а также Белостокскую область, отделив Минскую губернию к БУО, а Волынскую и Подольскую к Харьковскому. Таким образом все возможные меры, по убеждению Комитета, уже были приняты. Дальнейшие распоряжения об исправлении какой-либо части в Виленском университете зависели уже от его попечителя и МНП. Впрочем, учреждение другого университета с одной из бывших польских губерний едва ли не послужило бы к распространению польского духа между молодыми людьми местного края. Лучшим виделось назначения места для нового высшего учебного заведения в одной из коренных русских губерний. Справедливой также казалась идея и отдачи части доходов с принадлежавших Виленскому университету фондушей другим университетам, с уменьшением самого пространства ВУО. Статс-секретарь Д. Н. Блудов, по званию товарища министра народного просвещения, обращал на этот предмет внимание князя Карла Андреевича Ливена.

Касательно идеи способствовать преобразованию жителей Западных губерний посредством воспитания в кадетских корпусах, Комитет полагал, что в этом отношении уже было сделано всё, что могло служить к достижению полезной цели через учреждение корпусов в Полоцке и Полтаве и причисление к ним от Польши возвращённых губерний. Заведение нового кадетского корпуса в самом центре Литвы имело бы последствием такие же неудобства как и учреждение другого в этом крае университета [1, с. 55–57].

Во второй записке Могилёвский гражданский губернатор М. Н. Муравьёв, от 29 августа 1831 г., признал необходимым решительно уничтожить гнездилище литовского вольнодумства раскассированием Виленского университета по разным училищам во внутрь империи, постепенно преобразовав всю учебную часть на основании российских заведений и отняв у духовенства право заниматься образованием юношества. Этим должен был заняться наместник области, имевший бы достаточные средства и власть к приведению данного решения в исполнение. Преобразование внутренних училищ в Литовских губерниях, равно и духовных, могло быть произведено постепенно, чтобы не затруднить воспитание и не произвести ропота. Раскассирование же и уничтожение навсегда Виленского университета можно было исполнить немедленно, т. к. он существовал сейчас лишь по одному имени и большая часть воспитывавшегося

в нём юношества и даже много учителей разошлись и толпами пристали к бунтовщикам. Виленский университет, столь прославляемый в общем мнении поляков, по наблюдениям губернатора вовсе не был источником должного просвещения: Литовское дворянство как-бы по некоему предубеждению посылало туда своих детей, которые, проводя дни в праздности и вольнодумстве, не обучаясь ничему основательному, после нескольких лет празднования, возвращались домой, получив в нём некий наружный блеск вредного полупросвещения и решительное основание вольнодумства. Одно шляхетское сословие и разночинцы приобретали, при том же вольнодумстве, некоторые знания, особенно по части духовной, медицинской и адвокатской. Также дети экономов, комиссаров и пр. беднейших сословий пользовались некоторыми его выгодами, но с тем вместе приобретали ещё более духа вольнодумства, безверия и разврата [1, с. 58–59].

Всё вышеизложенное содержало в себе четыре главные предположения: 1) упразднение или по крайней мере преобразование Виленского университета и Кременецкой гимназии; 2) введение в преподавание русского языка; 3) замену духовных училищ светскими; 4) запрещение р.-к. духовенству заниматься домашним воспитанием детей.

Комитет нисколько не сомневался в том, что Виленский университет при прежнем своём попечителе, избранном из поляков, был средоточием, куда стекалось всё юношество Западных губерний, получил направление, вредное для намерений правительства и вообще неприязненное России. Переменой неблагонадёжных профессоров и бдительнейшим надзором за студентами не во власти его уже было совершенное истребление в короткое время того духа, который предшествовавшем 20-летнем почти управлении был внушён и преподававшим и обучавшимся, который сообщался от одних студентов другим при поступлении их в университет и который поддерживался ещё общим направлением умов в Литве и др. польских губерниях. В этом отношении и если принять в соображение, что г. Вильно был, некоторым образом, столицей Литвы и при многолюдности этого города, трение в нём умов происходило сильнее, а само учение, по множеству предоставлявшихся студентам развлечений, не могло быть столь успешно, то нельзя было не согласиться, что закрытие или перемещение Виленского университета было бы полезной мерой. Но если обратиться к тому, что в Литовских губерниях просвещение распространилось вообще более нежели в др. присоединённых от Польши областях, а потому и по отдалённости др. университетов, необходимость в высшем учебном заведении преимущественно для них являлась ощутительна, доказательством чему служил сделанный в присутствии Комитета д. т. с. Н. Н. Новосильцевым отзыв, что в Виленском университете число студентов иногда простиралось до 2 000, что за упразднением этого университета и учреждением взамен его другого в какой-либо соседней русской губернии, обучающееся в г. Вильно юношество наводит собой это новый университет и там распространит заразу ложных впечатлений, от детства ему внушённых, или обратится в иностранные университеты, где при господствовавшем в Европе духе вольнодумства ещё более бы утвер-

дилось в превратности своих понятий и составило бы новое поколение, ещё более неприязненное России, наконец, что медицинский факультет всегда славился одним из первых в России, а богословский был совершенно необходим, ибо он был единственным, где получали высшее образование проповедники для 2,5 млн российских подданных р.-к. исповедания, если принять всё в уважение, то нельзя было не признать соответственным предусмотрительности правительства сохранить особый для северных польских губерний университет, а по уважению значительных издержек, которых потребовало бы перемещение университета в другой город и по разным другим трудностям, сопряжённых с такой мерой, – оставить его до времени в г. Вильно, но ограничив круг его действия Виленской и Гродненской губерниями и Белостокской областью, дав ему новое образование и направление, соответствующее намерениям правительства. Составляя в этом виде университет польский, удобнее его было подвергнуть наблюдению местного начальства, в обязанность которого входил бы строгий и бдительный контроль за преподающими и обучающимися. Вместе с тем, для сокращения числа студентов этого университета, Комитет предлагал принимать в него только уроженцев принадлежавших к его округу губерний. Более детальное соображение предоставлялось попечителю ВУО с тем, чтобы университет, остававшийся ещё закрытым после бывших беспорядков, был бы открыт не прежде, как по очищении его в правилах и в людях, и по окончательном утверждении всех нужных преобразований в возрождённом виде. До того же времени следовало продолжать курсы учения только в медицинском при университете институте, где по последним сведениям находилось до 100 казённых студентов, и в Главной при университете семинарии, в которой помещалось 20 клириков и куда приходило ещё до 60-ти из епархиальной семинарии [1, с. 59–63 об.].

Совершенно отделив таким образом Виленский университет от прочих, по характеристике Комитета, Польских губерний, для них, а именно для Подольской, Волынской, Минской и Киевской, в которых не только поселяне, но и разночинцы говорили преимущественно на русском языке или малороссийском наречии, Комитет полагал учредить новый совершенно уже русский университет в г. Киеве, как в таком городе, где и по духу, и по вероисповеданию жителей можно было ожидать значительного перевеса русских над поляками, особенно при хорошем выборе наставников и при присоединении к учебному округу этого нового университета, сверх указанных областей, нескольких русских губерний, как например Полтавской, Черниговской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, а также Бессарабской. За тем Волынский лицей (Кременецкую гимназию), который, по убеждению Комитета, был учреждён князем А. Чарторыйским и Чацким на самой границе трёх главных отделений прежней Польши, в том намерении, чтобы непрерывно возбуждать в поляках всех трёх отделений воспоминание о прежнем национальном их существовании и поддерживать в них мысль о восстановлении самобытности Польши, надлежало упразднить, а взамен его дать обширнейшее в предметах учения устройство и некоторые особые права Киевской губернской гимназии.

Что касалось до средств к содержанию Киевского университета и местной гимназии в новом виде, то изыскание их возлагалось на МНП, поставя на вид фундуш Волынского лицея, а равно все учебные пособия этого заведения, как-то: библиотеку, кабинеты и пр. В случае же недостатка указанного фундуша, рекомендовалось полнить его из доходов, которые должны были остаться от Виленского университета, в связи с уменьшением круга его действия. Предстоящие издержки также могли быть обращены на доходы от конфискованных имений мятежников.

Учреждение в г. Киеве нового русского университета и преобразование гимназии, устройство Полтавского и полоцкого кадетских корпусов являлось, по убеждению Комитета, надежнейшим средством к введению в Западном крае России преподавания наук на русском языке. Попечитель Виленского университета Н. Н. Новосильцев, соглашаясь со своей стороны со всеми вышеизложенными суждениями и предположениями Комитета, внёс сверх того новое представленную ему от ректора Виленского университета особую по данному предмету записку, которую Комитет положил поднести вместе на высочайшее благоусмотрение [1, с. 63 об. – 65 об.].

Комитет не мог не согласиться с заключением министра финансов и особого Комитета, бывшего под председательством д. т. с. князя Голицына, о преждевременности и неудобстве уничтожения духовных училищ и замене их светскими, в соответствии с представлениями М. Н. Муравьёва и С. П. Шипова, на всём пространстве Западных губерний. Таковые духовные училища трудно было заменить светскими из-за значительных издержек от правительства, тогда как они содержались на счёт фундушей и иждивением духовенства. Безусловно, затруднения вызывало и приискание знающих и способных учителей. Оставалось только по возможности и в должной постепенности придерживаться системы учреждения светских училищ взамен упразднённых духовных.

Запрещение р.-к. духовенству домашнего воспитания детей Комитет находил излишним, поскольку это вызвало бы ропот среди высших сословий, принадлежавших в основной массе к р.-к. исповеданию, без всякого существенного плода, к тому же не имелось никаких способов к исполнению данного решения. К тому же для занимавшихся домашним воспитанием учителей и наставников были подтверждены особые правила, распространявшиеся в равной мере на светских и духовных лиц. Распространить запрещения ещё более было невозможно, т. к. всё равно они остались бы без исполнения по причине отсутствия возможности надзора за происходящим внутри семейств и домов [1, с. 65 об. – 68 об.].

По высочайшему повелению, решено было оставить в г. Вильно только медицинский и богословский факультеты, учредив первый на подобие Санкт-Петербургской и Московской медикохирургической академии, а факультет богословский обратить в духовное училище. Отложено было решение об учреждении университета в другом месте для северных губерний. Кременецкий лицей перемещался в г. Киев с учреждением училища. 14 января 1832 г. директор Департамента народного просвещения просил ректора Виленского университета составить примерный штат медицинского отделения в соответствии с местным положением и со штатом медикохирургической академии. Отталкиваясь от штата

Санкт-Петербургской медикохирургической академии и оставляя прежнее жалование, получаемое от Виленского университета, на жалование преподавателям, на содержание 100 студентов и на пр. расходы будущего учебного заведения исчислено было 86 647 руб. сер. в год. На медицинский факультет употреблялось 26 700 руб. сер. в год из доходов с общего Эдукационного фондуша, а на содержание 100 воспитанников в особом при университете медицинском институте, по штату 15 ноября 1820 г., – 22 240 руб. 75 коп. сер. в год из Государственного казначейства, итого 48 940 руб. 75 коп. Таким образом к исчисленным по проекту для предполагаемой академии 86 647 руб. недоставало 37 706 руб. 25 коп. В представленном в двух вариантах для рассмотрения проекта бюджета в случае оставления университета исчислено было 260 459 руб. 29 коп., а в случае упразднения его и основания академии – 223 865 руб. 54 коп. [1, с. 74, 104 об.–106, 139].

Относительно преобразования богословского факультета в духовное училище министр народного просвещения К. А. Ливен просил министра внутренних дел приказать составить проект штата для данного заведения и сообщить ему. По мнению его, училище могло бы перейти совершенно в ведомство ДДИИ и содержаться на счёт монастырей, которые содержали уже при Виленском университете Главную духовную семинарию [1, с. 106–106 об.].

Таблица 3

Соображение о доходах и расходах из по-иезуитского фондуша [1, л. 132]

Статья	Золото	Серебро		Ассигнации	
		руб.	коп.	руб.	коп.
В случае упразднения университета					
Окладного дохода с имений и капиталов	326	292497	98 ¹ / ₄	3686	20 ¹ / ₄
Расхода		223865	54	17315	
		68632	44 ¹ / ₄		
Ассигнации по расходу 17 315 руб. за исключением 3 686 руб. 20 ¹ / ₄ коп., итого 13 628 руб. 79 ¹ / ₄ коп. оброта в сер. по 360		3785	44 ¹ / ₄		
будет остатка	326	64847			
На исправление здания в Каменце Подольском 21 613 руб. 7 ¹ / ₂ коп.		50847			
На исправление и наём других училищных домов, на пенсии и другие непредвидимые расходы примерно 29 233 руб. 92 ¹ / ₂ коп.					
будет остатка	326	14000			
Неизвестно, что потребуется на духовное училище, преобразуемое из богословского факультета					
В случае оставления университета					
Окладного дохода	326	292497	98 ¹ / ₄	3686	2
Расхода		260459	29	17315	
		32038	69 ¹ / ₄		
Превратя ассигнации в серебро		3785	44 ¹ / ₄		
будет остатка	326	28253	25		
Как богословский факультет останется при университете, то духовное училище будет уже не нужно.					

Поскольку профессора и чиновники при упразднении Виленского университета должны были подвергнуться увольнению не по собственной их воле, то спра-

ведливость требовала дать им вознаграждение, а потому Карл Андреевич полагал выслуживших определённые уставом университета 25 лет уволить с полной пенсией, на которые они имели право, а не выслуживших данного срока назначить, соразмерно их летам службы, или также некоторую пенсию, или единовременное пособие: пенсия до 7 450 руб. сер. в год и единовременное пособие до 10 175 руб. сер. из доходов общего по-иезуитского фондуша [1, л. 118, 124].

12 апреля 1832 г. при всеподданнейшем докладе министра народного просвещения К. А. Ливена император Николай I повелел закрыть Виленский университет, а округ его, упразднив, присоединить к Белорусскому. В докладе были представлены два списка профессоров и чиновников: благонадёжных и неблагонадёжных. Благонадёжных профессоров министр полагал не отставлять, но распределить по другим университета с прежними окладами [1, л. 140, 142 об.–143].

Таблица 4

Список неблагонадёжных профессоров и других чиновников Виленского университета (1832 г.) [1, л. 130–131]

Фамилия, звание, должность	С какого времени в должности	Итого лет	В чине	В должности	Годовой оклад серебром
Бобровский, протоиерей, ординарный профессор священного писания и библейских древностей, по высочайшему повелению был удалён от службы в 1824 г., а в 1826 г. с высочайшего соизволения вновь определён	1 сентября 1814 г.	17	–	24 ноября 1823 г.	1500
Вырвич, кол. сов., ординарный профессор красноречия и поэзии, имеет 4 ст. Владимира и знак отличия беспорочной службы за 20 лет	20 июня 1805 г.	26	4 сентября 1831 г.	26 сентября 1823 г.	1500
Вырвич, кол. сов., ординарный профессор высшей математики	1 сентября 1817 г.	14	16 января 1830 г.	28 апреля 1826 г.	1500
Фонберг, экстраординарный профессор химии,	1 сентября 1822 г.	9	28 декабря 1830 г.	30 мая 1829 г.	1000
Коровичицкий, магистр, преподаватель русского права	1 марта 1822 г.	10	1 марта 1829 г.	20 ноября 1824 г.	600
Гецольд, кол. ас., секретарь правления, имеет 4 ст. Станислава	15 июня 1821 г.	10	28 декабря 1830 г.	26 июля 1827 г.	450
Шантырь, кол. сов., землемер и люстратор, имеет 3 ст. Анны и знак отличия беспорочной службы за 20 лет	28 июня 1804 г.	27	16 августа 1829 г.	1 марта 1809 г.	1500
Тржасковский, кол. сек., архивариус, имеет 4 ст. Станислава	1 декабря 1815 г.	16	31 декабря 1828 г.	25 сентября 1823 г.	300
Рогальский, тит. сов., секретарь совета	1 декабря 1821 г.	10	31 декабря 1827 г.	23 марта 1829 г.	300
Пеньковский, губ. сек., канцелярский чиновник	1 июня 1829 г.	2	1 июля 1829 г.	1 июля 1829 г.	120
Шацфаер, канц. служитель	1 марта 1828 г.	4	не имеет	1 марта 1828 г.	120
Модзольский, канцелярист при Цензурном комитете	1 марта 1815 г.	17	не имеет	1 апреля 1829 г.	400 асс.

В соответствии с высочайшим повелением, Карл Андреевич должен был разрешить с МВД вопрос относительно передачи ему учреждаемой в г. Вильно из медицинского факультета местного университета медикохирургической академии. Министр внутренних дел Дмитрий Николаевич Блудов нашёл возможным сократить штат будущей Виленской медикохирургической академии посредством соединения некоторых кафедр и упразднения других, как-то русской и латинской словесности, а также ликвидации должностей учителей французского и немецкого языков, полагая что воспитанники поступят в академию окончив курс словесных наук, и наконец уменьшением сумм расхода на некоторые предметы и жалованья профессорам вместо 1 500 по 1 200 руб. сер. Таким образом сокращение составило до 15 000 руб. сер.

Относительно астрономической обсерватории в г. Вильно Д. Н. Блудов отозвался, что по ненужности её для духовной академии следовало передать её в ведение Академии наук, что подало бы со временем случай определить туда русского астронома-наблюдателя. Данное предложение Карл Андреевич находил весьма основательным. Сама обсерватория, с утверждёнными в каменных стенах орудьями, была построена, по заверению ректора Виленского университета, весьма прочно. По уставу университета положен был при ней, кроме астронома-наблюдателя, и профессор астрономии, а на содержание обсерватории назначалось 500 руб. в год.

При Виленском университете находились кабинеты моделей, машин, архитектурный, нумизматический, а также собрания, принадлежавшие к живописному, гравировальному и ваятельному классам, которые, в случае совершенного упразднения Виленского университета, Карл Андреевич полагал передать в Академию художеств, а все остальные – в предполагаемое к учреждению Белорусское высших наук училище. При университете находилась также литографическая школа, которую также было предложено передать в Академию художеств.

При Виленском университете находился цензурный комитет, состоявший под председательством попечителя ВУО, а в случае его отсутствия, под председательством ректора университета. По высочайше утверждённому 6 февраля 1829 г. штату, комитет состоял из 4 цензоров, профессоров университета, 4 отдельных цензоров, 2 лиц для рассматривания еврейских сочинений, и секретаря, а на жалованье им и на канцелярские расходы положено было 14 700 руб. в год. В случае упразднения университета следовало решить вопрос о замене находившихся в нём 4 профессоров и назначением председателя.

При Виленском университете также находился Институт глухонемых. В своё время виленский епископ Коссаковский, избрав из сословия миссионеров соответствующее лицо, отправил его на своём иждивении в г. Вену для изучения способа наставления глухонемых, и на заведение такового же училища в г. Вильно, отказав духовным завещанием 900 руб. сер.

В 1811 г. ректор Виленского университета, по просьбе учителей Литовских и Белорусских губерний, обучавших глухонемых детей, просил миссионеров

завести институт для одержимых этим недугом в принадлежавшем им доме, на ремонт которого они потребовали 2 000 руб. сер., обязавшись за это содержать в институте двух бедных глухонемых детей, назначаемых от ректора или правления университета, и с таким условием, что в случае упразднения института, то они должны были возвратить университету указанную сумму, в чём обязались подпиской. Предложение было утверждено министром просвещения 26 февраля 1811 г. и деньги монахам были выданы. Находя, что для столь малого числа бесполезно иметь в г. Вильно институт, К. А. Ливен полагал перевести учеников в Санкт-Петербургский институт глухонемых, а 2 000 руб. сер., взятых от них обязательства, причислить к общему Эдукационному фондушу, отпуская из них положенное количество денег на содержание переводимых из г. Вильно двух учеников до завершения учения [1, л. 148–150].

25 апреля 1832 г. император Николай I выразил своё согласие с предложениями министра народного просвещения [1, л. 147–147 об., 155–157 об.].

Оставался ещё нерешённым вопрос о судьбе агрономического заведения, которое 16 апреля 1832 г. Карл Андреевич предлагал Виленскому военному губернатору вверить благонадёжному профессору сельского хозяйства в Виленском университете Очаповскому. По уставу же Виленского университета при Институте практического сельского хозяйства положен был профессор сельского домоводства, а по штату назначалось на содержание школы такового домоводства 500 руб. сер. в год.

В 1827 г. попечитель ВУО, по донесению университета, представил, что теоретическая наука сельского домоводства без практики не представляет никакой пользы для слушающих курс, почему и нужно учредить Институт практического сельского домоводства. Для этого признан был удобным находившийся в частном владении фольварок Замечка, отстоявший от г. Вильно в 5 верстах. Фольварок был оценен владельцем в 30 000 руб. сер. По положению Комитета министров последовал 10 октября 1827 г. на имя министра просвещения соответствующий указ. Сверх того, по высочайше утверждённому 9 октября 1828 г. положению Комитета министров дозволялось отпустить институту заимообразно из сумм Эдукационного фондуша 3 000 руб. сер. на покупку 300 тонкошерстных овец, нескольких баранов, лучшего сорта рогатого скота и на улучшение винокурни, с тем, чтобы из доходов с этих статей были ежегодно вносимы законные проценты до совершенной уплаты частями всей суммы из доходов им. Замечка. Поскольку институт мог содержаться получаемыми с им. Замечка доходами, то он мог, по удостоверению ректора Виленского университета, существовать независимо от университета [1, л. 145–146 об., 156 об.].

1 мая 1832 г. в г. Санкт-Петербурге были подписаны два указа на имя министра народного просвещения и один указ на имя министра внутренних дел об уничтожении Виленского университета с учреждением в г. Вильно Медикохирургической академии и духовного училища и о новом распределении училищ в Белорусском округе. Медицинский и богословский факультеты передавались в ведомство МВД для соответствующих преобразований. Благонадёжных про-

фессоров и др. преподавателей наук в Виленском университете, за исключением должностных войти в состав Медикохирургической академии и духовного училища, министру просвещения велено было распределить по их желанию в другие, по усмотрению министра, университеты, с производством прежних их окладов из общего по-иезуитского фондуша, а гражданских и всех других чиновников уволить. Из библиотеки, кабинетов и др. учебных пособий Виленского университета, то, что могло быть нужно для Медикохирургической академии и духовного училища в г. Вильно, надлежало передать в их ведение, а остальное распределить по усмотрению министра народного просвещения. Астрономическая обсерватория передавалась в ведение Академии наук. ВУО упразднялся, а все его училища присоединялись к БУО. Высочайшим рескриптом от 1 мая 1832 г. попечитель ВУО Н. Н. Новосильцев был уволен от такового звания [1, л. 158, 160–160 об., 163, 165, 167].

21 мая 1832 г. Витебской казённой палате было предписано выдать попечителю БУО, д. с. с. Григорию Ивановичу Карташевскому, на счёт общего училищного капитала, 1 500 руб. на переезд и пребывание в г. Вильно для исполнения высочайшего повеления о закрытии Виленского университета [1, л. 192].

Список источников

1. Дело о закрытии Виленского университета в связи с польским восстанием, о рассмотрении проекта учреждения в Вильне медико-хирургической академии и высшего духовного училища (Богословского училища), о преобразовании учебного заведения Волынской, Подольской и Киевской губерний. Ч. I (16 декабря 1831 г. – 1 июля 1832 г.) // РГИА. – Фонд 733. – Оп. 62. – Д. 1082. – 283 л.

© А.И. Ганчар, 2025